

— Вэнь Цунцзянь, почему ты такой надоедливый?

Вэнь Цунцзянь никак не ожидал услышать подобное в свой адрес. В конце концов, с самого детства никто и никогда с ним так не разговаривал, и он на мгновение совершенно растерялся, даже забыв возразить.

Лишь спустя добрую минуту до него запоздало дошел смысл слов, и в груди невольно поднялась обида.

— Как ты можешь такое говорить? Разве я не из добрых побуждений позвал тебя?

— Не нужно.

— Ты...

Каким бы мягким характером ни обладал Вэнь Цунцзянь, он не мог терпеть, когда к нему вот так раз за разом поворачиваются с доброй улыбкой, а в ответ получают лишь холодное пренебрежение. Поэтому он решил больше к нему не лезть и, пылая гневом, собрался уходить.

Однако, сделав всего два шага, он почувствовал досаду: с какой стати он, движимый самыми лучшими побуждениями, прибежал сюда, а в ответ должен выслушивать такие оскорбления?

И Вэнь Цунцзянь шагнул назад:

— Нет, я так просто не уйду. Ты должен передо мной извиниться! С чего это я надоедливый? Я между прочим пришел из лучших побуждений.

Услышав это, Е Цзиньхань снова принял свой обычный вид. Он ничего не ответил, лишь ледяным взглядом уставился на него.

Вэнь Цунцзянь, глядя на него, разозлился еще сильнее.

— Это ты надоедливый, и к тому же невоспитанный! Почему ты вечно так себя ведешь? Разве твой папа не учил тебя отвечать, когда люди с тобой разговаривают? Ты вечно такой ледяной, совсем не дружелюбный.

Вэнь Цунцзянь говорил все с большим и большим жаром, однако Е Цзиньхань по-прежнему не обращал на него внимания и даже не удостоил ответом, продолжая смотреть на него всё с тем же холодом, как и всегда.

Это вызвало у Вэнь Цунцзяня ощущение полного бессилия, словно он изо всех сил ударил

кулаком по вате. Злость вспыхнула с новой силой: как вообще может существовать такой человек? Почему он вечно всех игнорирует? Ни слова не скажет.

С самого детства Вэнь Цунцзянь никогда с подобным не сталкивался, ведь будь то папа, братец Ло, детишки во дворе или одноклассники — все его очень любили и никогда не отворачивались.

Единственное, от чего Вэнь Цунцзянь никогда не получал ответа — это когда он разговаривал с маленьким телевизором или маленьким пультом. Но Е Цзиньхань ведь не пульт, он умеет говорить! Почему же он вечно молчит?

Чем больше Вэнь Цунцзянь думал об этом, тем сильнее злился, и его настойчивость только росла, а тон стал менее сдержанным:

— Невоспитанный, ты ужасно невоспитанный! Разве папа и мама не учили тебя вежливости в общении с людьми?..

Вэнь Цунцзянь как раз вовсю распекал его, как вдруг — то ли какая-то фраза задела Е Цзиньханя за живое, то ли просто надоела до чертиков — тот наконец соизволил ответить.

Он произнес:

— У меня нет мамы.

Вэнь Цунцзянь, который только что чувствовал себя раздутым от злости воздушным шаром, услышав эти слова, словно получил укол иглы: вся ярость мгновенно улетучилась, и он разом весь обмяк.

Ведь у него самого тоже не было мамы.

Так вот почему мама Е Цзиньханя не пришла? А где же его папа? Вэнь Цунцзянь не знал, да и не смел больше расспрашивать.

Ярость в сердце вмиг исчезла без следа, и теперь в душе Вэнь Цунцзяня осталось лишь чувство вины. Он-то прекрасно знал, каково это — расти без мамы. Неужели Е Цзиньхань вспомнил о матери и потому убежал в уборную, чтобы поплакать в одиночестве?

При этой мысли Вэнь Цунцзяню стало еще совестнее, но он понятия не имел, как исправить свою ошибку, и мог лишь умолкнуть.

Поскольку оба больше не произнесли ни слова, в уборной мгновенно воцарилась тишина.

Е Цзиньханю, судя по всему, не нравилась такая атмосфера, и он попытался уйти. Заметив это, Вэнь Цунцзянь поспешно схватил его за руку:

— Е Цзиньхань.

Е Цзиньхань выказал некоторое нетерпение, но все же остановился и повернул голову.

И тогда он увидел, что стоящий перед ним мальчик смотрит на него полными раскаяния глазами и искренне, слово за словом, произносит:

— Прости, я не знал. Не грусти.

— Я... — хотел было сказать Е Цзиньхань, что ему вовсе не грустно.

Однако он не успел и рта раскрыть, как Вэнь Цунцзянь продолжил:

— Хочешь, я буду твоей мамой? Я буду о тебе заботиться.

Вэнь Цунцзянь считал свои извинения и предложение невероятно искренними, но по какой-то причине Е Цзиньхань вдруг рассвирепел и со злости оттолкнул его.

Вэнь Цунцзянь никак не мог взять в толк, отчего Е Цзиньхань так взбесился. В конце концов, тот ведь наверняка всегда мечтал о маме, просто желание никак не хотело исполняться.

Вообще-то, раньше он сам был совершенно равнодушен к образу матери — ведь он прекрасно знал, как сильно любит его папа, и сам любил папу; ему вполне хватало одного отца.

Лишь позже, когда он пошел в детский сад, в школе как-то раз устроили праздник для родителей и детей. Другие ребята пришли с обоими родителями, и только у Вэнь Цунцзяня был один лишь папа.

Хотя отец в одиночку помог ему справиться со всеми заданиями, Вэнь Цунцзянь всё равно немного завидовал, глядя на другие семьи, где ребенок был окружен и мамой, и папой.

Ему тоже хотелось маму, но папа, казалось, вовсе не планировал никого искать, и тогда Вэнь Цунцзянь решил найти маму сам.

Сначала он попытался уговорить стать его мамой соседку, сестрицу Чжоу. Однако та, выслушав его, заливисто рассмеялась, погладила его по голове и сказала, что у нее уже есть парень. А чуть позже сестрица Чжоу вышла замуж и съехала.

После ее отъезда Вэнь Цунцзянь положил глаз на братца Ло. Хотя братец Ло был парнем, он отличался невероятной мягкостью и очень хорошо к нему относился.

Тогда Вэнь Цунцзянь обратился с тем же вопросом к нему. Братец Ло, выслушав его, залился краской до самых ушей; казалось, он был не против согласиться, но в конце концов все же замахал руками:

— Сначала твой папа должен дать согласие.

Вэнь Цунцзянь рассудил, что это равносильно согласию, и прямиком отправился к отцу.

За что и получил легкий стук по голове с наказом больше не молотить чепуху перед чужими людьми.

План Вэнь Цунцзяня снова потерпел крах.

Позже, поступив в начальную школу, он присмотрел себе новую кандидатуру — Ли Лицзы. Правда, на сей раз он даже не успел заикнуться об этом папе, как сам же забраковал этот вариант.

Потому что Ли Лицзы оказалась до ужаса прижимистой: мало того, что она жмотилась поделиться с ним своими вкусняшками, так еще и норовила стащить его собственную еду! Разве настоящая мама не должна быть щедрой со своим ребенком?

Вот если бы мама была из него самого, он бы непременно отдал Е Цзиньханю все свои сладости.

Жаль только, что Е Цзиньхань его отверг.

При этой мысли Вэнь Цунцзяню даже стало немного жаль Е Цзиньханя.

Е Цзиньхань, неужели ты понимаешь, от чего отказался?

Е Цзиньхань-то этого не знал, а Вэнь Цунцзяню и возиться с объяснениями не хотелось.

Его новый сосед по парте оказался слишком уж неприступным — даже при таком ангельском терпении, как у Вэнь Цунцзяня, выносить подобное было тяжело.

И тогда он мысленно поклялся себе, что больше никогда не заговорит с Е Цзиньханем.

Сдерживая данную самому себе клятву, на следующий день по приходе в школу Вэнь Цунцзянь

действительно не стал первым обращаться к нему.

Но Вэнь Цунцзянь был тем еще болтуном. Вытерпев один урок, он почувствовал, что больше не в силах молчать, и на перемене завел разговор с соседкой спереди.

Соседка перед ним оказалась очень милой девочкой по имени Е Гэ. Она была куда общительнее Е Цзиньхана, и все те дни, пока тот его игнорировал, Вэнь Цунцзянь коротал за беседой именно с Е Гэ.

Как раз следующим уроком шла физкультура, и Е Гэ пригласила его вместе с остальными детьми сыграть в прятки.

Вэнь Цунцзянь, разумеется, согласился.

Учитель физкультуры не отличался особой строгостью: заставив всех сделать коллективный круг по беговой дорожке, он объявил свободное время, а оставшиеся минуты ученики могли тратить на свое усмотрение.

После распуска все тут же сбились в кучки. Вэнь Цунцзянь неизвестно почему машинально огляделся в поисках Е Цзиньхана и, как и ожидалось, обнаружил того в полном одиночестве — он по-прежнему сторонился коллектива.

Впрочем, Вэнь Цунцзянь тут же одернул себя: какое ему дело до того, держится тот обособленно или нет? Он ведь поклялся больше к нему не приставать, а значит, хватит о нем думать — лучше присоединиться к Е Гэ и остальным ребятам.

Вэнь Цунцзянь отлично умел прятаться и уже три кона подряд оставался не найденным.

Правда, в предыдущем раунде его укрытие чуть было не раскрыли, поэтому на этот раз он решил сменить место.

Долго искать не пришлось: за школьным корпусом старших классов он обнаружил идеальный уголок. Там лежало множество строительных материалов, оставшихся еще с прошлых ремонтных работ — они были свалены почти в целую гору. Вэнь Цунцзянь мгновенно оценил это место и решил затаиться прямо за стройматериалами.

Однако, к его величайшему удивлению, едва он приблизился, как заметил, что кто-то уже занял это местечко.

Вэнь Цунцзянь сперва подумал, что кто-то из детей опередил его, но подойдя ближе, с изумлением разглядел среди груды материалов Е Цзиньхана.

Тот сидел в одиночестве на каменной плите и что-то усердно выводил на земле, но, услышав шаги, тут же стер рисунок рукой и поднял голову.

Вэнь Цунцзянь никак не ожидал встретить здесь именно его и уже собирался поискать другое убежище, как вдруг увидел, что Е Гэ уже вовсю принялась искать спрятавшихся. Деваться было некуда, и ему пришлось отступить назад, прячась глубоко в штабелях строительных материалов рядом с Е Цзиньханем.

Вэнь Цунцзянь рассчитывал, что на сей раз его укрытие достаточно надежно, но не прошло и минуты, как неподалеку послышались шаги. Шаги эти были какими-то нерешительными: пройдя всего пару шагов, обладатель остановился неподалеку, и тут же раздался голос Е Гэ:

— Е Цзиньхань, кто-нибудь проходил здесь?

Судя по всему, Е Гэ немного побаивалась Е Цзиньхана, поэтому ее голосок звучал тоненько и осторожно.

Услышав это, Вэнь Цунцзянь почувствовал, как сердце подскочило к самому горлу и готово было выпрыгнуть наружу — ведь она спрашивала именно Е Цзиньхана!

Вэнь Цунцзянь живо припомнил тот случай на родительском собрании и то, как сильно Е Цзиньхань толкнул его в туалете. Тот толчок был таким тяжелым, значит, Е Цзиньхань терпеть его не может, а раз так — он без колебаний выдаст его.

Однако, к некоторому удивлению Вэнь Цунцзяня, ответа от Е Цзиньхана не последовало.

Озадаченный этим, Вэнь Цунцзянь слегка подался вбок и украдкой высунул голову из-за груды материалов: Е Цзиньхань по-прежнему сидел на прежнем месте, лишь чуть-чуть сместившись в сторону, так что теперь он полностью загораживал его собой.

Из-за этой преграды Е Гэ, если бы не подошла вплотную, ни за что бы его не заметила.

Но кто же поручится, что Е Цзиньхань не выдаст его укрытия?

При этой мысли Вэнь Цунцзянь занервничал еще сильнее.

Е Гэ, похоже, тоже торопилась, поэтому набралась храбрости и повторила вопрос:

— Е Цзиньхань, ну так проходил тут кто-нибудь или нет?

Услышав это, Е Цзиньхань наконец подал признак жизни и поднял глаза на Е Гэ.

Вэнь Цунцзянь понял, что сейчас его непременно рассекретят, и уже приготовился выйти сам.

Но вопреки ожиданиям, Е Цзиньхань покачал головой и ответил:

— Никого.

Вэнь Цунцзянь остолбенел от неожиданности, и нога, уже готовая сделать шаг вперед, так и застыла на месте.

<http://bllate.org/book/27497/3341021>